

КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ В РЕШЕНИИ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ И ИХ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ УЧЕНИЯ О ПРЕДАНИИ¹

Иерей Дмитрий Артемкин

клирик храма свт. Николая Мирликийского
в Старом Ваганькове (г. Москва), преподаватель кафедры
богословия Московской духовной академии (г. Сергиев Посад)
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
Email: artemkindm@gmail.com

Для цитирования: *Артемкин Д. Н.* Критерии истинности в решении доктринальных вопросов и их зависимость от учения о Предании // Диакрисиc. 2019. № 3 (3). С. 130–140. DOI:10.54700/diakriscis.2019.3.3.007

Аннотация

УДК 230.11; 262

В статье сопоставляются православное, католическое и протестантское представления о центральных критериях доктринальной истинности, а также проясняется, как различие этих критериев зависит от особенностей понимания природы Священного Предания. В результате произведенного сопоставления проблематизируется вопрос об актуальных критериях в Православии.

Ключевые слова: источники Откровения, Священное Предание, учительство церковное, *consensus patrum*.

¹ Доклад, прочитанный на конференции второй: «Проблемы методологии богословских и патристических исследований» (МДА, 26.12.2019).

Начать повествование уместно с классических критериев доктринальной истинности, сформулированных прп. Викентием Леринским († до 450). В сочинении «Памятные записки» главными критериями истинности церковного учения он называет соответствие учения каноническим книгам Священного Писания и Преданию Церкви².

Критерий соответствия учения Церкви и шире — всей жизни Церкви — Священному Писанию безусловно признавался и признается как в древности, так и в настоящее время. Обращение к авторитету Предания необходимо, по словам прп. Викентия, поскольку по причине возвышенности Писания возможны ошибки в его истолковании, примерами чего служат учения Савелия, Ария, Новациана и других раскольников и еретиков. Мы можем продолжить этот список: то же Писание, что и в православных Церквях, читают в христианских сообществах, отрицающих божество Христа или принимающих, например, содомский грех как норму жизни.

Поэтому, как продолжает прп. Викентий, необходимо «направлять нить толкования пророков и апостолов по правилу (*norma*) церковного и кафолического понимания». Сама же норма церковного понимания утверждается в том, «чему верили повсюду, всегда, все» (*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*)³.

Критерии всеобщности, древности и согласия не отделимы один от другого и не должны применяться порознь. Начиная с герменевтического аспекта Предания, Викентий Леринский не останавливается на нем и расширяет значение критериев всеобщности, древности и согласия на веру как таковую. За истинную следует признавать только ту веру, которую исповедует Церковь по всей Земле, и которая одобрена большинством святых предков и отцов Церкви, согласных между собой.

Согласие (*consensio*) прежде всего выражают решения Вселенских Соборов, а также суждения, общие для «большинства великих учителей»⁴. Впоследствии критерий согласия отцов «*consensus*

² Викентий Леринский, прп. Памятные записки. 2. 1–2.

³ Там же.

⁴ Викентий Леринский, прп. Памятные записки. 27.

patrum» выделился и приобрел самостоятельное значение для догматического богословия Православной Церкви.

Прп. Викентий не высказывал оригинальной точки зрения, он лишь компактно сформулировал понимание, присущее Древней Церкви⁵. Дальнейшая история развития учения о Предании в христианстве показывает, что понимание существа Предания все так же связано с критериями доктринальной истинности. Изменение одного приводит к изменениям и другого.

В католицизме. В Средние века учение Древней Церкви о Предании не подвергалось критическому пересмотру и не являлось темой богословских дискуссий ни в православном восточном, ни в западном христианстве. Вместе с тем, как замечает крупный католический исследователь феномена Предания кардинал Ив Конгар, фактическое восприятие Предания в Средние века разнилось как с раннехристианским, так и с современным его восприятием. Для средневекового мышления, не заинтересованного в критическом восприятии истории, идея Предания оказалась связанной не с идеей преемства как такового, а в первую очередь с идеей авторитета⁶.

Истинно не то, что изначально, а то, что подтверждается достаточно авторитетным мнением. В католицизме этот тип восприятия Предания получил богословское выражение в виде доктрины об учительстве Церкви (*magisterium ecclesiasticum*), согласно которой Церковь в лице иерархии, и в конечном счете в лице папы Римского, является конституирующим началом для определения нормативного Предания.

Плодом схоластического богословия стало различение понятий «*traditio*» и «*traditiones*» (в русскоязычной богословской литературе передается как «Предание» с прописной буквы и «предания» во множ. числе). Фома Аквинский, например, для *traditiones* оставляет узкие рамки культа и обычаев, тогда как собственно апостольское Предание (*traditio apostolica*) нашло выражение в Писании. Авторитет святых отцов, как и любых богословов, по мысли Фомы Аквинского, подчинен авторитету Писания, а доказательная сила святоотеческих

⁵ Этот тезис вполне убедительно обоснован, например в работе: Пономарев П. П. Священное Предание как источник христианского ведения. Казань, 1908.

⁶ Congar Y. *Traditio and Traditions*. London, 1966. P. 89.

аргументов проистекает из их согласия с Писанием, следовательно, Писание является «достаточным основанием» веры Церкви⁷. С авторитетом Писания неразрывно связан также истолковывающий авторитет Церкви. Церковное Предание (*traditio ecclesiastica*) не имеет характера источника вероучения, однако, являясь учительным голосом Церкви, в которой живет Дух Божий, является обязательным для членов Церкви. Фактически же церковное учительство в понимании Фомы Аквинского персонифицируется в римском епископе, на авторитет которого в конечном счете опирается авторитет всей Церкви⁸. Различение авторитета Писания (ассоциированного с содержанием апостольского Предания), «преданий» и учительства Церкви в лице иерархии, произведенное в богословии схоластов, заложило фундамент для последующего конфликта. Задолго до Реформации в сочинениях схоластов дискутировался вопрос о том, должны ли христиане верить авторитету Писания в большей степени, чем авторитету Церкви, или наоборот?⁹

Протестантская критика была направлена главным образом на учительство церковное. Это стало очевидно уже в первый год с момента выступления М. Лютера в 1517 году. По ходу завязавшейся дискуссии стало очевидно, что спор сводится к вопросу об авторитете папы Римского. Имеет ли папа достаточный авторитет и власть, чтобы утверждать то, что явным образом отсутствует в Писании. Ответ протестантизма — нет, не имеет. Писание здесь было объявлено единственным и достаточным источником Откровения, а единственный критерий доктринальной истинности — соответствие Писанию. В «Формуле согласия» (1577) говорится: «Веруем, учим и исповедуем, что единственным и абсолютным правилом и стандартом, согласно которому должны оцениваться все догматы и все учителя, являются только пророческие и апостольские Писания Ветхого и Нового Завета»¹⁰.

⁷ Кнох В. Бог в поисках человека: Откровение, Писание, Предание. М., 2006. С. 288.

⁸ Там же. С. 289.

⁹ Генриха Гентского (1217–1293), Герарда Болонского († 1317), Гвидо Террена († 1342) и др.; см.: *Congar. Traditio and Traditions*. London, 1966. P. 99.

¹⁰ Книга согласия. Б. м., 1998–2010. С. 429.

Официальным ответом Католической Церкви на протестантское «*sola Scriptura*» стал «Декрет о принятии священных книг и Предания» Тридентского Собора (1546). Здесь помимо подтверждения канона Священного Писания утверждалось значение Предания как источника вероучения и нравственности¹¹. Высказывание декрета о том, что истина Откровения «содержится» в книгах Писания и незаписанных апостольских преданиях, истолковывалось католическими богословами преимущественно в количественном смысле, то есть в том смысле, что предания являются «материальным» источником Откровения наравне с Писанием. Таким образом, если в богословии высокой схоластики мы видим двухчастный авторитет: Писание — учительство церковное, то в посттридентском богословии вводится еще Предание, поэтому мы видим трехчастный авторитет: Писание — Предание — учительство церковное.

В XIX–XX в. католическая и протестантская доктрины Предания были частично пересмотрены, основными причинами чему стали социальные изменения XIX века, развитие критических методов в изучении Писания, потребность в богословской интерпретации понятия об историческом процессе, вошедшем в новоевропейскую науку. Второй Ватиканский собор предпринял значительные шаги к корректировке католического учения о Предании. В частности, была передана забвению теория двух источников. Также была акцентирована роль церковного собора в церковном учительстве. Несмотря на это, римский епископ остается внешним критерием церковного единства и непогрешимости. Собор епископов Католической церкви зависит от папы Римского, который так и остается гарантом доктринальной непогрешимости церкви. Учительство церковное, воплощенное в непогрешительном авторитете епископа Римского, действительно придает большую устойчивость католицизму. Католическая Церковь — это межнациональная, сложно организованная структура, которая стабильно функционирует, опираясь на центральную власть

¹¹ «Собор принимает и почитает с одинаковым благочестием и одинаковым уважением все Книги как Ветхого, так и Нового Завета, ибо Бог — единый Создатель того и другого, так же, как и Преданий, касающихся веры или нравов, ибо они исходят из уст Самого Христа или внушены Святым Духом и сохранены Вселенской Церковью в непрерывной преемственности» (Христианское вероучение. СПб., 2002. С. 88–89).

папы. Столь же эффективно решаются вопросы и доктринального соответствия. Протестантизм также, несмотря на заметное усложнение и даже на сближение в учении о Предании с Православием¹², по существу удерживается на позициях *sola Scriptura* в отношении вопроса о критериях вероучительной истинности.

Православное современное богословие в учении о Предании сохранило, во-первых, преемство с византийским богословием, во-вторых, не осталось в стороне от католическо-протестантской дискуссии, а также, в-третьих, приняло участие в обсуждении в XIX–XX в. природы Предания. В соответствии с древним церковным учением Православие признает критерием доктринальной и дисциплинарной истинности следование Соборам древности (особенно Вселенским). Критерием объявляется также согласное мнение отцов (*consensus patrum*), причем в поздневизантийском представлении о святоотеческом Предании. Испытав влияние посттридентского богословия в учении о Предании как о втором источнике Откровения, наряду с Писанием, что прослеживается в целом ряде православных вероисповедных текстов, катехизисов, учебников по догматическому богословию, Православие тем не менее не восприняло католическое учение о церковном учительстве. И все же влиянием чужой дискуссии можно назвать тот факт, что Церкви пришлось вынести суждение о «непогрешимости», термине, не свойственном древнему богословию. В Православии непогрешимостью наделяется Церковь как целое. С этим утверждением, однако, связаны известные трудности. В католицизме непогрешительность Церкви фокусируется в непогрешительном авторитете папы, в Православии же декларируемый непогрешительный авторитет Церкви не реализован институционально. Ни Константинопольский патриарх (первый среди равных), ни предстоятели отдельных Церквей, ни локальные Синоды не обладают признаком непогрешимости. А. С. Хомяков предложил решение этой проблемы в своей романтизированной концепции соборности. Однако высказывания в духе «народ Божий хранит веру православную», кажется, вполне дискредитировали себя в годы русской революции.

¹² Дронов М., *прот.* Писание и Предание // ЖМП. 1993. № 11. С. 9–25.

Здесь хочется привести слова о. Иоанна Мейендорфа: «Если православное богословие может что-то внести в нынешний экуменический диалог, то вклад этот должен состоять в выявлении и объяснении вспомогательного характера авторитета. Не авторитет делает Церковь Церковью, а Святой Дух, действующий в ней как в Теле Христовом, реализующий сакраментальное присутствие Самого Христа среди людей и в людях»¹³.

Некоторое развитие православной экклезиологии, имевшее место в XX в., внесло новые интонации и в учение о Предании Церкви, а следовательно, и в определение критериев истинности. Достаточно назвать наиболее заметные имена прот. С. Булгакова, В. Н. Лосского, прот. Г. Флоровского, протопр. И. Мейендорфа, митр. И. Зизиулеса. Акцент на значении Святого Духа в жизни Церкви, а также на евхаристической природе Церкви позволили, например, В. Н. Лосскому определять Предание Церкви как «жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающую каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присутствии ея свете, а не естественном свете человеческого разума»¹⁴. Предание это не дело рук человека, это действие Духа Святого в верных христианах. Предание в таком значении для Лосского это и есть главный критерий постижения, распознавания божественной истины. Не некий механизм, который автоматически и формально давал бы верный ответ в затруднительных ситуациях, а живой процесс, в котором вполне участвует личное сознание людей с их суждениями и вероятностью погрешностей. Предание он называет критическим духом Церкви, который позволяет различать «свое» от «чуждого». Критерии человеческого здравого смысла далеко не всегда совпадают с суждением Церкви. Так, Церковь может признать «своими» даже позднейшие интерполяции в Священное Писание, что было бы крайне неразумным с точки зрения секулярной библеистики¹⁵.

Церковь не отрицает авторитет как таковой, напротив, уже мужи апостольские совершенно ясно выражают понятие о власти

¹³ Мейендорф И., протопр. Живое Предание: Свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 70.

¹⁴ Лосский В. Н. Предание и предания // Лосский В. Н. Боговидение. Минск, 2007. С. 433.

¹⁵ Там же. С. 437–438.

и учительном авторитете епископа в церковной общине. Вселенские Соборы обладают максимальным авторитетом в вопросах вероучения и церковной дисциплины. У нас есть Священное Писание и Предание (святоотеческое, догматическое, литургическое, каноническое). И все же даже эти высокие авторитеты не самодостаточны в отрыве от реальной жизни Церкви, ее мысли и молитвы. Как пишет о. Иоанн Мейендорф, «подлинность авторитета свидетельствуется Истиной, а не наоборот»¹⁶. К Истине же приобщает опыт духовной жизни и сакраментальный опыт, в котором человек причащается благодати Святого Духа.

В Православии, в соответствии с этой точкой зрения, не существует формализованных абсолютных критериев доктринальной истинности. Формализованных, в том смысле, что могли бы быть применимы вне зависимости от субъекта применения. Это касается и концепции Вселенского Собора, и концепции «согласия отцов» — они тоже не могут восприниматься в формализованном виде. Действительно, как показывает история Вселенских Соборов, внятных и опять же формализованных критериев их «вселенскости» так и не было выработано, а имеющиеся Соборы были признаны как Вселенские лишь в последующей рецепции Церкви, тогда как другие, схожие по многим значимым критериям, Вселенскими не признаются. Кажется, не стоит говорить о сложности или даже невозможности формальным способом выделить согласное учение отцов. По словам свт. Афанасия Великого, «веру утверждают не изречения, но смысл и благочестие»¹⁷. Кто может почувствовать и адекватно для своего времени выразить смысл учения святых? Очевидно, тот, кто сохранил благочестие, кто пребывает в том же Духе, что и отцы.

Если согласиться с таким ходом мысли, то на первый план в решении вопросов церковной жизни, в том числе самых серьезных доктринальных и дисциплинарных, на первый план выдвинутся требования (или ожидания), предъявляемые к тем конкретным лицам, которые имеют власть принимать значимые решения, то есть речь пойдет об *ответственности* как о чем-то большем, нежели просто

¹⁶ Мейендорф И., *протопр.* Живое Предание: свидетельство Православия в современном мире. М., 2004. С. 125.

¹⁷ Афанасий Великий, *свт.* К епископам Египта и Ливии. 9.

моральном принципе. Из русскоязычных авторов особое внимание этой теме уделил протопр. И. Мейендорф в ряде публикаций. Следующий за сим логический вопрос таков: как Церковь может противостоять безответственности отдельных иерархов? Об этой проблеме говорил митр. Иларион (Алфеев) в своем выступлении в МДА, посвященном оценке противоканонических действий Константинопольского патриархата на Украине¹⁸. В мировом Православии нет формализованной процедуры решения подобных затруднений. В итоге безответственным решениям одних действующих лиц могут быть противопоставлены лишь ответственные решения других, и, разумеется, в зависимости от выбранной точки зрения картина отображается зеркально. Апелляция Русской Православной Церкви к церковным документам, к историческим источникам и «прочим формальностям» на деле не находит понимания у тех, кто готов «взять на себя ответственность».

Размышление о критериях истинности в решении наиболее сложных вопросов жизни Церкви, доктринальных или административных, приводит к заключению, что едва ли в настоящее время возможно с уверенностью перечислить такие критерии, которые были бы, с одной стороны, актуальны и действительны, а другой, — формально признаны в межправославном пространстве и имели бы общую практику применения. В связи с этим мы можем лишь поставить некоторые вопросы о критериях, которые проистекают из оговоренных выше трех векторов в учении о Предании. Достаточно ли ограничиться декларированием верности Писанию и Преданию, а также Вселенским Соборам и согласному мнению отцов, не обращая внимания на очевидные сложности применения этих критериев на практике? Или, может быть, Православию нужен внешний авторитет для решения ставших очевидными межправославных проблем современности, авторитет в духе католического конциляризма или папизма, то есть нужна ли нам надпоместная структура (регулярный межправославный синод) и нужен ли нам примат Константинопольского патриарха или какого-то другого патриарха? Стоит оговориться, что среди православных раздаются слышимые голоса «за» и конциляризм, и папизм. Наконец, стоит ли осмыслять

¹⁸ 17 декабря 2019 года.

критерии доктринальной истинности на почве экллезiologicalических поисков XX в., и не является ли современный кризис в некоторой степени следствием этих поисков? Ответственное обсуждение этих существенных вопросов, на наш взгляд, могло бы приблизить православных богословов к зрелой рецепции критериев доктринальной истинности в Православии.

Источники

Афанасий Великий, свт. К епископам Египта и Ливии окружное послание против ариан // Творения. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. Ч. 3. С. 92–165.

Викентий Леринский, прп. Памятные записки Перегринна о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новизн всех еретиков. М.: Издательство Stella Aeterna Православно-католического просветительского общества, 1999.

Книга согласия. Б. м., 1998–2010.

Христианское вероучение. СПб.: Издательство св. Петра, 2002.

Литература

Дронов М., прот. Писание и Предание // ЖМП. М., 1993. № 11. С. 9–25.

Кнох В. Бог в поисках человека: Откровение, Писание, Предание. М.: Христианская Россия, 2006.

Лосский В. Н. Предание и предания // Боговидение. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. С. 424–448.

Мейендорф И., протопр. Живое Предание: Свидетельство Православия в современном мире. М.: Паломник, 2004.

Пономарев П. П. Священное Предание как источник христианского ведения. Казань: Центральная типография, 1908.

Congar Y. Traditio and Traditions. London: Burns & Oates, 1966.

The Criterion of Truth in Solving Doctrinal Issues and their Dependence on the Teaching of Tradition

Priest Dmitry Artemkin

Church of St. Nicholas the Wonderworker in Staroye Vagankovo (Moscow);
Moscow theological academy, Department of theology (Sergiev Posad), lecturer
Academy, Holy Trinity Laura, Sergiev Posad, 141300,
email: artemkindm@gmail.com

For citation: Artemkin Dmitry N., priest. «The Criterion of Truth in Solving Doctrinal Issues and their Dependence on the Teaching of Tradition». *Diakrisis*. 2019. № 3 (3) P. 130–140. (in Russian) DOI:10.54700/diakrisis.2019.3.3.007

Abstract

The article compares the Orthodox, Catholic and Protestant ideas about the central criteria of doctrinal truth, and also clarifies how the difference between these criteria depends on the understanding of the nature of the Holy Tradition. As a result of the comparison, the question of actual criteria in Orthodoxy is problematized.

Keywords: Sources of the Revelation, Holy Tradition, *Magisterium ecclesiasticum*, *Consensus patrum*.